

A SWABIAN PLOW IN THE UKRAINIAN SKY: LITERARY REPRESENTATIONS OF THE GERMAN- UKRAINIAN BORDERLAND IN THE MEMORY DISCOURSE ON THE VOLHYNIAN GERMANS (BASED ON THE WORKS BY HANS-ULRICH TREICHEL)

Ievgeniia Voloshchuk (a)

(a) Europa-Universität Viadrina. Postgebäude Raum 269, Logenstraße 9-10, D-15230 Frankfurt (Oder)
 E-mail: voloshchuk[at]europa-uni.de

Abstract

Basing on the image of Volhynia in the works of a contemporary German writer Hans Ulrich Treichel, the paper analyzes the construct of the German-Ukrainian borderland, which emerged within the framework of the diaspora model. The paper focuses on how the Ukrainian-German borderland, along with its characteristic connotations of ethno-cultural and mental borders, is conceptually and aesthetically interpreted in Treichel's texts. The specificity of the image of Volhynia in Treichel's texts is to no small degree determined by its being mediated by the memories of the writer's father, a Volhynian German who, during the World War II, first moved to Poland, a country which by that time had been occupied by the Germans, and thereupon, together with his young wife, a native of one of the German colonies located on Polish territory, fled from the advancing Soviet army to West Germany. The impact of their traumatic war and getaway experience on the reconstructed image of their lost homeland is an important aspect of the research carried out in the paper. At the same time, the study also touches upon the mental maps of Eastern Europe, which left their mark on both the topography depicted in the texts, and the construction of individual and collective identities.

Keywords

Diaspora; borderland; memory discourse; migration; Volhynian Germans; mental maps; topography; borders; Eastern Europe; Hans-Ulrich Treichel

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ШВАБСКИЙ ПЛУГ В УКРАИНСКОМ НЕБЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕМЕЦКО- УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ДИСКУРСЕ ПАМЯТИ О ВОЛЫНСКИХ НЕМЦАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Г.-У. ТРАЙХЕЛЯ)

Волощук Евгения (а)

(а) Европейский университет Виадрина, Франкфурте-на-Одере. Postgebäude Raum 269, Logenstraße 9-10, D-15230 Frankfurt (Oder). E-mail: voloshchuk[at]europa-uni.de

Аннотация

В статье на примере образа Волыни в творчестве современного немецкого писателя и литературоведа Г.-У. Трайхеля анализируется конструкт немецко-украинского пограничья, сформировавшийся в рамках диаспорной модели. В центре исследования находится вопрос о том, как в трайхелевских текстах концептуально и эстетически осмысливается украино-немецкое пограничье вместе с характерными для него коннотациями этнокультурных и ментальных границы. Специфика этого образа в трайхелевских текстах не в последнюю очередь определяется его опосредованностью воспоминаниями отца писателя – волынского немца, который во время Второй мировой войны сначала перебрался в оккупированную немцами Польшу, а затем вместе с молодой женой – уроженкой одной из находившихся на польской территории немецких колоний – бежал от наступавшей советской армии в Западную Германию. Влияние их травматичного опыта войны и бегства на реконструируемый образ утраченной родины являются важным аспектом осуществляемого в статье исследования. Вместе с тем, в поле рассмотрения включаются также ментальные карты Восточной Европы, накладывающие свой отпечаток как на изображаемую топографию, так и на конструирование индивидуальной и коллективной идентичности.

Ключевые слова

Диаспора; пограничье; дискурс памяти; миграция; волынские немцы; ментальные карты; топография; граница; Восточная Европа; Г.-У. Трайхель

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Немецкие поселения на украинской Волыни являли собой яркий пример культурного пограничья, возникшего на основе диаспорной модели. Несмотря на то, что этот немецкий анклав не породил такой мощной литературной традиции, как две другие ныне украинские, а в прошлом немецкоязычные провинции, Галиция и Буковина (отличавшиеся от него как по этническому составу, так и географическому положению), он, тем не менее, утвердился в немецкоязычном культурном пространстве в качестве значимого топоса дискурса памяти и пересеченной немецко-украинской истории (Kremring, 2009; Exner, 2019). Одним из примеров тому может служить творчество современного немецкого писателя и литературоведа-германиста Ганса-Ульриха Трайхеля (род.1952), чья семейная история связана с немецкой Волынью.

На его примере в данной статье исследуются литературные репрезентации Волыни как немецко-украинского пограничья и немецкого «места памяти» (Nora, 1990, s. 30) в Украине. В центре анализа находится вопрос о том, как в трайхелевских текстах концептуально и эстетически осмысливается украино-немецкое пограничье вместе с характерными для него коннотациями этнокультурных и ментальных границ. При этом в поле рассмотрения включаются также ментальные карты Восточной Европы, накладывающие свой отпечаток как на изображаемую топографию, так и на конструирование индивидуальной и коллективной идентичности¹.

РЕ-КОНСТРУКЦИЯ НЕМЕЦКОЙ ВОЛЫНИ В ОПЫТЕ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ МИГРАНТОВ

I

На определяющую роль, которую играли ментальные карты Восточной Европы в немецких представлениях об Украине, прямо указывает в своей книге «Решение в Киеве. Украинские уроки» немецкий историк Карл Шлегель (Schlögel, 2015). Среди прочего он

¹ Ограничусь ссылкой на Фритьефа Беньямина Шенка, который в своей аналитической статье «Ментальные карты: когнитивное картирование континента как исследовательский объект европейской истории» четко формулирует главный вопрос культурологических и исторических исследований ментальных карт: «В центре здесь стоит вопрос о том, как на личные представления о пространстве влияют опосредованные культурой картины (мира) и как коллективно разделяемые репрезентации некоего – познаваемого или воображаемого – пространственного окружающего мира обратно воздействуют на процессы образования культурной общности и идентичности» (Schenk, 2013)

констатирует, что вплоть до нового перелома украинской истории, обозначенного Майданом 2013/14 гг., немецкое сознание воспринимало Украину по доставшемуся от советского прошлого картографическому шаблону как окраину России. Согласно Шлегелю, впрочем, речь идет о более длительной и сложной традиции ментального картирования, обусловленной самой историей Украины как пограничной страны, которая в течение столетий на политической карте обозначалась как территория других государств, в том числе – и как окраина больших империй (s. 53).

Однако, помимо исторических факторов, указанная традиция картирования Украины как «отсутствующей» страны укоренена в самой ментальной карте Восточной Европы. Данная карта генерализирующим образом объединяет в гомогенную картину конгломерат стран – на основании общей характеристики, которую западноевропейское сознание приписывает Восточной Европе, тем самым отграничивая себя от нее как от образа Другого. Поэтому ключевые понятия, вроде концептов «отсталости», «варварства», «полудикости-полкультуры» (Wolff, 2003, s.23) и т. п., слабая или вообще отсутствующая дифференциация географических, исторических и культурных границ внутри этого конгломерата, наконец, общая установка на инструментализацию образа Восточной Европы для конституирования западноевропейской идентичности, распространяется на все охватываемые данной картой страны, в том числе – и на Украину. Как и другие страны на этой ментальной карте, Украина отождествляется с образом полужнакомого-полунезнакомого, полублизкого-получужого Другого (Wolff, 1996, 2003) репрезентирующего всю Восточную Европу. Собственная украинская топография на такой карте остается белым пятном.

Вместе с тем, немецкая культурная рефлексия располагает особым опытом осмысления украинского пространства. Речь идет о топосе Украины как утраченной родины, – топосе, который в немецкоязычной литературе располагает богатой традицией картирования украинского пространства с «промежуточной», «миграционной» позиции, отклоняющейся от установленной ментальной картой границы между «своим» и «чужим»/ «другим». При этом сама задача (ре)конструирования образа утраченной родины предполагает активное использование картографического инструментария. Вспоминать утраченную родину – значит, ретроспективно ее перекартировать, и прежде всего – с помощью ментальных карт, локальных (карт «малой родины») или коллективных (карт больших регионов).

II

Для известного современного немецкого писателя и литературоведа-германиста Г.-У. Трайхеля Вольт и ее перекартирование в дискурсе памяти имеет особое личное значение: вольтинцем немцем был его отец. Согласно версии, изложенной в трайхелевском автобиографическом романе «Анатолин» (Treichel, 2008), во время Второй мировой войны отец перебрался в оккупированную немцами Польшу. Оттуда он, спасаясь от преследований со стороны наступавшей советской армии, бежал в Германию вместе с молодой женой – уроженкой одной из находившихся на польской территории немецких колоний. Их травматичный опыт войны и бегства, влияние этого опыта на дальнейшую семейную историю, в том числе – и на генерацию детей, являются главными объектами осмысления в литературном творчестве Трайхеля.

Так, эта тема является центральной в уже упомянутом романе «Анатолин», где изображается автобиографическое путешествие по Польше и Западной Украине к родным местам родителей протагониста.¹ Характер этого путешествия определяется «белыми пятнами» семейных воспоминаний. Так как родители избегали рассказов о своем прошлом, в распоряжении героя оказались лишь обрывки сведений об их родине. Поэтому свое путешествие он мыслит как попытку наполнить конкретными картинками пробелы собственной семейной истории. В этом контексте путешествие на Вольт, где находится родная деревня отца Брыще, осмысляется им как путь к отцу и к самому себе. Примечательно, что, посещая по дороге западноукраинские города Львов и Броды, герой удовлетворяется беглым туристическим знакомством с ними и остается в целом индифферентным к их славе знаменитых мест памяти немецкой культуры. Главным центром притяжения на его карте Украины остается вольтинское Брыще.

Топос утраченной родины отца находит отражение и в других произведениях писателя. Он представляет собой показательный образец современного (пере)картирования украинского пространства из перспективы (культурной) истории немецкой миграции.

¹ В одном из своих интервью, которое писатель дал как раз в разгар работы над «Анатолином», он прокомментировал цель запланированного путешествия по Западной Украине и его маршрут (Treichel, September, 2007)

III

Фантом утраченной родины отца находится в центре внимания трайхелевского стихотворения «Прилет в Киев» („Anflug Kiew“), включенного, к слову, вместе с текстами других авторов в посвященный Киеву литературный сборник серии «Europa erleben» (Treichel, 2013). Трайхелевское стихотворение, однако, крайне условно встраивается в этот ряд текстов, поскольку Киев в нем – всего лишь топоним, который дает толчок для развертывания образа Украины как утраченной родины немецкой диаспоры.

Ниже привожу текст стихотворения и его перевод:

Anflug Kiew

*Unter mir der Fluß
mit dem rollenden Namen,
er rollte durch meine Kindheit,
entsprang im Mund des Vaters,
der das Schilf schnitt am Ufer,
der den Stör fing, den Lachs,
der den weißen ukrainischen
Himmel
mit schwäbischer Gründlichkeit
pflügte,
Schneisen schlug durch die
Wildnis,
nach zwei Kriegen noch immer
herumtrug im Mund und unter der
Zunge die Geräusche des Flusses,
der noch immer den Pflug zog
durch Nebel und Sumpf
(Treichel, 2013, s.197).*

Прилет в Киев

Подо мной – река
с катящимся названием,
она катилась сквозь мое
детство,
брала свое начало в устах отца,
который срезал камыш на
берегу,
который ловил осетра, лосося,
который вспахивал белое
украинское небо
с швабской основательностью,
прорубал просеки в зарослях,
после двух войн все еще
носил во рту и под
языком гул реки, -
который все еще тащил плуг
свось туман и болото¹.

¹ Перевод стихотворения мой – Е.В. Здесь и далее в статье делаются ссылки на вышеуказанные оригинал и перевод стихотворения.

Образ Украины находится в стихотворении на пересечении дальней и ближней перспектив. На первую указывают упомянутой в названии стихотворения приближение самолета к Киеву и позиция лирического героя, рассматривающего украинское пространство сверху, через самолетное окно. Но, несмотря на значительную обзорную дистанцию, позволяющую охватить весь видимый ландшафт, взгляд путешественника избирательно выхватывает только один топографический элемент – реку, чье «катящееся название» („der rollende Name“), с детства было известно ему по рассказам отца:

*Подо мной – река
 с катящимся названием,
 она катилась сквозь мое детство,
 брала начало на устах отца,*

Украина, таким образом, изображается здесь как почти незнакомая страна, снабженная «следами» семейной истории, которые ее маркируют топосами воспоминаний и миграционного опыта из «своей» семейной истории. Все, что находится вне таких топосов, остается за рамками изображения – как «чужое» и «незнакомое» пространство. По сути, перед нами своеобразная контурная карта Украины, визуализирующая – за исключением оговоренных топосов – шлегелевский тезис об «отсутствии Украины на горизонте современников».

Другой образ Украины видится из «ближней» перспективы, репрезентируемой в стихотворении фигурой отца лирического героя. В отцовских рассказах Украина предстает до мелочей знакомой и «близкой» землей; она очерчивается как наполненный образами пейзаж, в котором есть и небо, и лесная чаща, и поросший камышом берег, и болота. И та же река, опять же не названная, изображается на этой картине как вполне «видимый» топографический образ реки, сказочно богатой рыбой. Следует подчеркнуть, что эта картина выстраивается в стихотворении как продукт многократных опосредований: лирический герой рисует здесь тот образ Украины, который осел в его сознании из рассказов отца, которые, в свою очередь, рефлексировали этот образ из ретроспективы воспоминаний и опыта миграции. Таким образом, автор ставит четкий акцент на нарративной природе отцовской картины Украины. Ключевую роль здесь играет образ реки, который конструируется одновременно и как топографический элемент, и как поток отцовских воспоминаний об

украинском прошлом, и как связующее звено между отцовскими рассказами об Украине и зрительными картинами Украины.

Несмотря на то, что текст не содержит развернутой биографии отца, его украинское прошлое, а вместе с ним – и украинское пространство получают здесь достаточно четкую характеристику. Формально украинское прошлое описывается как патриархальная крестьянская жизнь с ее привычными занятиями (рубкой леса, трудом земледельца или ловлей рыбы) и, очевидно, нарушаемая войнами. В соответствии с этим украинское пространство картируется как патриархальный, удаленный от западной цивилизации край первозданной природы, куда еще не добралась модернизация, и где человек добывает хлеб насущный простыми, архаичными способами, как это делали его предки на заре истории. Вместе с тем, беглое упоминание о двух войнах, (очевидно, мировых) привносят в почти идиллическую и почти аисторическую картину не только зарево великих потрясений, но и намеки на угрозы, потенциальный катастрофизм, таящиеся в украинском пространстве. В такой картине проступает модель, лежащей в основе западноевропейской ментальной карты Восточной Европы (Thum, 2006; Sauerland, 2006).

Связь трайхелевского образа Украины с этой моделью дополнительно усиливается через мотив плуга/пахоты, который в качестве доминанты отцовского украинского опыта утверждает идею необычайно тяжелого труда и преодоления жизненных трудностей. Образ отца, вспахивающего украинское небо, является, очевидно, поэтическим парафразом навязчивой отцовской мысли о том, что жить или трудиться в Украине – все равно, что пахать небо. Данный аспект трайхелевского образа Украины апеллирует к ментальным концептам «отсталости» Восточной Европы и ее западноевропейского «цивилизирования». Эта отсылка обозначена в тексте имагологически нагруженным контрастом между вспахиваемым «белым украинским небом» („der weiße ukrainische Himmel“) и «швабской основательностью» („schwäbische Gründlichkeit“), с которой пашет отец.¹ Манифестируемая как национальное качество «основательность» (или «старательность») несет на себе отпечаток цивилизационного продвижения немецкого духа по еще не освоенному – белому (бесплодному, пустому, «целинному») украинскому пространству. Еще более четко данная семантика

¹ Значение имагологических стереотипов в их взаимосвязи с миграционным опытом семьи в творчестве Трайхеля обстоятельно исследуется на примере образа поляка в статье Юргена Йоахимсталера (Joachimsthaler, 2001).

проступает в образе отца, который прорубает просеки в украинских зарослях „der [...] Schneisen schlug durch die Wildnis“) и тем самым осуществляет – помимо прагматичной крестьянской работы – еще и цивилизаторскую функцию. Эта функция в сочетании с латентным противопоставлением швабской «основательности» и украинской «ленности» или «небрежности» выступают главными имагологическими маркерами «немецкости» отца, отличающими его от автохтонного населения и отграничивающими его от украинского пространства как от не «своей» территории. Кроме того, имагологический (авто)портрет отца дополняется еще одной немаловажной деталью: в причудливых комбинациях мотива плуга/пахоты с нетипичными элементами ландшафта (небом, туманом, болотом) отсутствует, собственно, земля, которую должен бы вспахивать плуг. За этим парадоксальным исключением стоит диаспорное ощущение отсутствия твердой почвы под ногами, неуверенность в земле, на которой живешь, но которую не чувствуешь надежной, т.е. совершенно «своей». Неслучайно стихотворение заканчивается образом затянутого туманом болота, который является метафорой зыбкости, неуловимости и ненадежности родины – как, впрочем, и самого образа утраченной родины в воспоминаниях.

ВЫВОДЫ

Вследствие наложения «ближней» и «дальней» перспектив картирования вырисовывается многослойный и контрастный образ Украины, который отражает разные степени ее восприятия как «полусвоего»-«получужого» пространства. Эксплицитно такая рецепция обосновывается в стихотворении непосредственным (точка зрения отца) и опосредованным (точка зрения сына) миграционным опытом. Этот опыт, с одной стороны, редуцирует украинское пространство на уцелевший в воспоминаниях рудимент бывшей полуродины-получужбины, отсекая от изображения остальную, иррелевантную для воспоминаний часть украинского пространства как «невидимую», «незнакомую». С другой же стороны, миграционный опыт отца – как человека, который как до, так и после миграции ощущает себя укорененным и в украинском, и в немецком пространствах, – моделирует Украину как пункт переплетения украинской и немецкой историй. При чем связь между ними усиливается за счет общих исторических травм – двух мировых войн, которые эти пространства в миграционном дискурсе воспоминаний соединяют (как «общую» сцену военного опыта) и одновременно разъединяют (как события, разрушившие привычные параметры

диаспорной жизни и, в конечном итоге, обусловившие миграционный разрыв с диаспорной историей семьи). Наследником и частью этой переплетенной истории ощущает себя сын – немец, родившийся в послевоенной Германии, однако испытывающий притяжение бывшей «родины» отца, далекой, почти незнакомой и все же не совсем «чужой». В данном контексте трайхелевский образ Украины реактуализирует карту фантомных границ¹ бывших немецких поселений на сегодняшней украинской территории и через эту карту вписывает семейную историю лирического героя в контекст немецко-украинской истории.

Вместе с тем, имплицитно образ Украины выстраивается в стихотворении на базе западноевропейской ментальной карты Восточной Европы. Примечательно, что в используемых отцом и сыном стратегиях картирования находят отражение разные модусы культурной рецепции Украины/Восточной Европы как «полусвоей»-«получужой» территории. В воспоминаниях отца, имагологически детерминированных сначала его «диаспорной», а затем и «миграционной» точкой зрения, определяющую роль играет концепция «недоцивилизованного» пространства, значимая для конструирования собственной «западной» идентичности. Эта концепция узнаваема в образе патриархальной крестьянской Украины, – края, где отец не просто тяжело трудился и боролся с первозданной природой, но и исполнял некую цивилизирующую функцию, тем самым утверждая себя как шваб, немец, как пришедший с Запада «чужак». Что же касается украинских впечатлений сына, то они мобилизуют художественные средства, которые подчеркивают в образе Украины его «невидимость», географическую стертость. Этот эффект создается в начале стихотворения вместе с «контурной картой», которую «видит» из самолетного окна лирический герой, и закрепляется в конце текста образами туманов и болот.

Во взаимодействии этих двух вариантов образов Украины проявляется двуполюсность категории «пустоты», задействованной в конструкте Восточной Европы. Данная категория присутствует в метафоре «пустого холста», которую Ларри Вульф заимствует из путевых заметок французского историка Луи-Филиппа Сегюра и превращает в парадигматический пример для описания продуцированных западноевропейским сознанием собственных

¹ Согласно теории, которую общими усилиями разработали Ханнес Грандис, Беатрис фон Хиршхаузен, Клуадия Крафт, Дитмар Мюллер и Томас Серриер, фантомные границы – это «прежние, преимущественно политические или территориальные обозначения границ, которые, после того, как они были ликвидированы, продолжают дальше структурировать пространство» (Hirschhausen et al., 2015, s. 18).

«фантазий» о Восточной Европе. «Пустой холст» – это место, на котором Западная Европа рисует осваиваемый и покоряемый ею европейский Восток (Wolff, 2003, s.28). Вариацией этой метафоры в трайхелевском стихотворении выступает «украинское белое небо», вспахиваемое отцовским плугом. Однако, показывая в статье «Изобретение Европы: от Вольтера до Волян-де-Морта», как изобретенный несколько столетий тому назад конструкт продолжает функционировать в сегодняшних коллективных представлениях европейского Запада о европейском Востоке, Ларри Вульф через цитируемое им высказывание современной хорватской писательницы Дубравки Угрешич связывает категорию «пустоты» с тем «отсутствием» репрезентируемого пространства на ментальной карте, которое лучше всего схватывается топографической метафорой «белого пятна»:

«Дубравка Угрешич, – пишет Вульф, – заметила, что картографическое определение Восточной Европы, как и прежде, представляет собой проблему: "Для многих людей на Западе умозрительно Восточная Европа – пустое пространство. Она начинается где-то за Железным занавесом, где-то по ту сторону Стены, даже теперь, где ни занавес, ни стена больше не существуют"» (Wolff, 2003, s. 32).

Контурная карта Украины, которую очерчивает трайхелевский лирический герой на подлете к Киеву, и которая не содержит в себе ничего, кроме безымянной реки, является наглядной иллюстрацией к описанному Угрешич концепту «пустого пространства» современной ментальной карты Восточной Европы. Указанные картографические перспективы сходятся в навеиваемом трайхелевским стихотворением концепте украинского пространства как «целины», которые ассоциируется одновременно и с «не освоенной» цивилизацией природой, и с «белым пятном» на карте.

В конечном счете, именно в поле напряжения между воспоминанием и изобретением и возникает образ «полузнакомой-получужой» Украины, характерный для современного немецкого литературного дискурса об этой стране.

Список литературы

- Exner, H. (2019). *Die Frauen von Janowka: Eine wolhynische Familiengeschichte*. EPV-Verlagsgesellschaft.
- Hirschhausen, v. B., Grandits, H., Kraft, C., Müller, D. & Serrier, Th. (2015). *Phantomgrenzen im östlichen Europa. Eine wissenschaftliche*

- Positionierung. In B. von Hirschhausen, H. Grandits, C. Kraft, D. Müller & Th. Serrier (Hg.). *Phantomgrenzen. Räume und Akteure in der Zeit neu denken* (S. 13-56). Göttingen: Wallstein.
- Joachimsthaler, J. (2000). „Der Pole“ sieht Polen. Hans-Ulrich Treichel in Lublin. *Germano-Slavica, Annual*, 12(1), 51-65.
- Kremring, L. (2003). *Verlorene Heimat Wolhynien: Erinnerungen und Erlebnisse eines Ostwolhyniers* (2. Aufl.). Shytomir: Verlag Wolhynien.
- Nora, P. (1990). *Zwischen Geschichte und Gedächtnis*. Berlin: Wagenbach.
- Sauerland, K. (2006). Vom Osten kommt das Glück, vom Osten kommt die Gewalt. In U. Wergin & K. Sauerland unter M. v. D. Eschkötter (Hg.). *Bilder des Ostens in der deutschen Literatur* (S. 9-27). Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Schenk, F. B. (2013, 05.06). Mental Maps: Die kognitive Kartierung des Kontinents als Forschungsgegenstand der europäischen Geschichte. *Europäische Geschichte Online*. Retrieved from <http://ieg-ego.eu/de/threads/theorien-und-methoden/mental-maps/frithjof-benjamin-schenk-mental-maps-die-kognitive-kartierung-des-kontinents-als-forschungsgegenstand-der-europaeischen-geschichte>.
- Schlögel, K. (2015). *Entscheidung in Kiew. Ukrainische Lektionen*. München: Carl Hanser.
- Thum, G. (2006). Ex oriente lux – ex oriente furor. Einleitung. In G. Thum, (Hg.). *Traumland Osten. Deutsche Bilder vom östlichen Europa im 20. Jahrhundert* (S. 7 –15). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Treichel, H.-U. (September, 2007). Man möchte Varianten des eigenen Lebens erzählt bekommen. Hans-Ulrich Treichel im Gespräch mit André Hille. *Kulturmagazin Kulturstoff Heft*, 7. Retrieved from <http://www.poetenladen.de/andre-hille-hans-ulrich-treichel.htm>
- Treichel, H.-U. (2008). *Anatolin*. Berlin, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Treichel, H.-U. (2013) Anflug Kiew. In O., Nowikowa & U., Schweier (Hg.) *Europa erlesen: Kiew/Kyiv* (S.197). Klagenfurt / Celovec: Wieser.
- Wolff, L. (1996). *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press.
- Wolff, L. (2003). Die Erfindung Osteuropas: Von Voltaire zu Voldemort. In D. Granshammer-Hohl, K. Kaser & R. Pichler (Hg.). *Europa und die Grenzen im Kopf* (S. 21-34). Klagenfurt, Wieser.

References

- Exner, H. (2019). *Women of Yanovka. Volhynia Family Story*. EPV-Verlagsgesellschaft. (In German).
- Hirschhausen, v. B., Grandits, H., Kraft, C., Müller, D. & Serrier, Th. (2015). Phantom Borders in Eastern Europe. Scientific Positioning. In B. von Hirschhausen, H. Grandits, C. Kraft, D. Müller & Th. Serrier (Eds.). *Phantom Borders. Nowadays Rethinking Spaces and Actors in Time* (pp.13-56). Goettingen: Wallstein. (In German).
- Joachimsthaler, J. (2000). "The Pole" looks at Poland. Hans-Ulrich Treichel in Lublin. *Germano-Slavica, Annual*, 12(1), 51-65. (In German).
- Kremring, L. (2003). *The Lost Homeland of Volhynia: Memories and Experiences of one Eastern Volhynian* (2nd ed.). Zhitomir: Verlag Wolhynien. (In German).
- Nora, P. (1990). *Between History and Memory*. Berlin: Wagenbach. (In German).
- Sauerland, K. (2006). From the East Comes Happiness, From the East Comes Force. In W. Vergin & K. Sauerland, D. Eschetter (Eds.). *Images of the East in German Literature* (pp. 9-27). Würzburg: Königshausen & Neumann. (In German).
- Schenk, F. B. (2013, 05.06). Mental Maps: The Cognitive Mapping of the Continent as an Object of Research of European History. *European History Online*. Retrieved from: <http://iegego.eu/de/threads/theorien-und-methoden/mental-maps/frithjof-benjamin-schenk-mental-maps-die-kognitive-kartierung-des-kontinents-als-forschungsgegenstand-der-europaeischen-geschichte> (In German).
- Schlögel, K. (2015). *The Decision in Kiev. Ukrainian Lessons*. Munich: Carl Hanser. (In German).
- Thum, G. (2006). Ex oriente lux – ex oriente furor. Introduction. In G., Thum, (Ed.). *Dreamland East. German Images of Eastern Europe in the XX century* (pp. 7-15). Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht (In German).
- Treichel, H.-U. (September, 2007). You want to be told variants of your own life. Hans-Ulrich Treichel in conversation with André Hille. *Kulturmagazin Kulturstoff Heft*, 7. Retrieved from <http://www.poetenladen.de/andre-hille-hans-ulrich-treichel.htm> (In German).
- Treichel, H.-U. (2008). *Anatolin*. Berlin, Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German).

- Treichel, H.-U. (2013). Arrival in Kiev. In O., Nowikowa & U., Schweier (Eds.) *Read Europe. Kiew/Kyiv.* (p.197). Klagenfurt / Celovec: Wieser. (In German).
- Wolff, L. (1996). *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* Stanford: Stanford University Press.
- Wolff, L. (2003). The Invention of Eastern Europe. From Voltaire to Voldemort. In D. Granshammer-Hohl, K. Kaser & R. Pichler (Eds.). *Europe and the Borders in mind.* (pp. 21-34). Klagenfurt: Wieser. (In German).